

1.

Мне всегда хотелось заниматься музыкой. Мы с отцом жили вдвоем, в снимаемой на окраине Москвы однушке. Он много работал, но денег не хватало: иногда по несколько месяцев не получалось платить за съем. Что уж было говорить о покупке пианино.

В тот день я поехала в книжный магазин. Забрела в нотный отдел. В одну руку попал зеленый сборник Милича для первого класса с нарисованными скрипичными и басовыми ключами. В другую — «Школа беглости» Чёрни. Мне ничего не говорила ни та, ни другая фамилия. Я положила Милича и Чёрни на стул и полезла в шкаф.

Тут-то мы и познакомились. Произошло это, как у всех порядочных людей, совершенно случайно. Хотя... Ладно, оставленный мною стул с Миличем и Чёрни просто-напросто перегородил ей проход. Я услышала ворчание и шум отодвигаемого стула. Пожилая, невысокая, чуть полная темноволосая женщина нагнулась к учебникам музыки и довольно громко произнесла:

— И Чёрни, гляди-ка, у них есть!

— А откуда вы этого... Чёрни знаете? — не расслышав, на какой слог ударять фамилию, спросила я.

— Так я, — она гордо подняла постаревшее уже лицо, — учительница музыки. — Преподаю на дому, станция Москва-Каланчевская, у площади трех вокзалов, — и продиктовала свой номер.

2.

О музыке я, за исключением того, как рисовать скрипичный и басовый ключи, ничего не знала, и начали мы с самого начала, то есть с зажимания ладонью шарика. На первом занятии Эмма Федоровна показала мне ноты и знаки.

— Что такое бекар? — задавала вопрос Эмма Федоровна.

Теория давалась мне легко, я запоминала быстро и сразу же отвечала:

— Знак, который убирает диезы и бемоли. Действует до конца такта.

Мы брали следующую тему, открывали ноты, но тут Эмма Федоровна снова указывала на знак бекара и спрашивала, что это и чему служит. Поначалу я думала, что она переспрашивала, чтобы меня проверить. Вскоре я поняла, что происходило это по другой причине: она забывала.

3.

Спустя пару занятий Эмма Федоровна познакомила меня со скрипачкой и пианисткой Лизой, темноволосой короткостриженной девушкой чуть старше меня, которая тоже у нее занималась.

— Лизавету я позвала к себе пять лет назад, когда не могла уж больше слушать ее скрипичных завываний этажом ниже. — Эмма Федоровна чуть улыбнулась. — Лиза живет тут же, в этом же доме.

Девушка отвернула голову и сразу же отошла, скрестив на груди руки, в одной из которых была скрипка. Отношения с Лизой у меня не заладились. Она держалась в стороне и меня за музыкальную неграмотность презирала. Я, в свою очередь, испытывала к ней абсолютно то же, только уже за высокомерие и спесь.

4.

Однажды, спустя несколько месяцев, мы с Лизой долго стояли перед квартирой Эммы Федоровны.

Звонили, стучали: никто не отвечал. Вспомнили, что по воскресеньям она ездила в Малый зал консерватории имени Чайковского слушать скрипачей и пианистов, и понеслись туда. Охранник сказал:

— Вчера какую-то старушку на скорой увозили. Спускалась по лестнице, упала. Номер больницы ща принесу.

Эмму Федоровну положили в отделение неврологии. Врач назвал это черепно-мозговой травмой. Звучало страшно. Тем страшнее, что ни одна из нас не понимала, что это такое. Невролог спросил, не было ли каких проблем до этого. Мы с Лизой переглянулись и разом поняли, что подумали об одном.

— Она немного... ну, забывала, что ли.

Врач, который вместе с нами во время беседы стоял, сел, подперев лоб ладонями.

— Тогда придется тяжко. Травма усилит потерю памяти.

Мы с Лизой бухнулись на один имеющийся в кабинете стул, всхлипнули и заревели. Успокоившись, Лиза сказала мне:

— А ведь Эмма Федоровна меня взяла не из-за «завываний скрипичных». Папа пил, и каждый раз, когда я играла, он заводился, кричал и грозился ударить. Это-то Эмма Федоровна и услышала. И позвала к себе.

5.

На другой день нас пустили в палату, и мы бросились обнимать Эмму Федоровну. Она, одетая в больничную пижаму, не обняла нас в ответ. Удивленно помолчала, пересела с кровати на стул и слабо спросила:

— Мы знакомы?

Я начала удивленно что-то бормотать, но Лиза перебила меня:

— Нет. Мы... — Лиза оглянулась, будто хотела найти ответ в палате. — Волонтеры. Да, волонтеры, — кивнула она ошарашенной мне. — Будем вам помогать.

Когда мы привезли Эмму Федоровну к ней домой, она спросила, почему здесь стоит пианино.

— Осталось от старых хозяев, — бросила Лиза.

Сбоку, на столе, лежали мои старые учебники: зеленый, Милича, для первого класса, со скрипичными и басовыми ключами, и «Школа беглости» Чёрни.

— Черни какой-то, — задумчиво произнесла Эмма Федоровна.

6.

Мне всегда хотелось заниматься музыкой. Еще больше втайне мне хотелось музыку преподавать. Разумеется, для этого нужно долго учиться, но...

В день приезда мы как бы случайно спросили Эмму Федоровну, не хотела бы она — раз уж остался от старых хозяев инструмент — научиться играть. Поэтому дважды в неделю мы с Лизой (помимо скрипки, она играла на фортепиано) шли к железнодорожной станции и садились в электричку до Москвы-Каланчевской. Пересекали площадь трех вокзалов и звонили в квартиру Эммы Федоровны. Она открывала. Видно было, что она немного, как полагается ученице, волнуется.

Так как о музыке Эмма Федоровна ничего не помнила, мы начали с азав: учили держать кистью шарик и объясняли, для чего нужен бекар. Она быстро схватывала.

Ненависть наша с Лизой к тому времени прошла окончательно: мы просто обе вдруг поняли, что у всех людей, как у нот, есть свои диезы и бемоли. Главное, чтобы хотя бы иногда эти знаки кто-то убирал. Нам с Лизой повезло: нашим бекаром стала Эмма Федоровна.

А еще иногда, невзначай, мы с Лизой рассказываем Эмме Федоровне про одну нашу общую знакомую, учительницу музыки. Кажется, она начинает о чем-то догадываться.